

ИСЧЕЗЛИ...

...крики во дворах: "Паяем-починяе-е-м! Паяем-починяе-е-м!", "Точить ножи, точить ножи-и и ножницы-ы!", "Стекла вставляем, стекла вставляем-е-м!", "Стары вешши покупаем, стары вешши покупаем-е-м!" Появился "Секонд хенд".

Исчезли биндюжники на подводах, извозчики на бричках, тачечники с тачками вокруг "Привоза" и у вокзала. Исчезли инвалидные "авто" — двухместные жестяные коробики на колесах и с мотором. Иногда они умудрялись даже подбирать отважных пассажиров. Исчезли 1-й и 23-й маршруты трамвая. С Дерибасовской исчезли троллейбусы. Исчез фуникулер, появились вместо него эскалаторы, но быстро ували. Исчезли открытые пульмановские вагоны с узорными решетками.

С тротуаров исчезли дорожки из квадратных синих плит итальянской лавы и камешки-"дикари" по их краям. Даже при сильных дождях вода уходила в почву и с тротуаров, и с булыжных мостовых. Появились выбоины на асфальте с "миргородскими" лужами, а зимой — стекленеющие ото льда паркетки клинкера.

Исчезли акации (правда, некоторые, как реликтовые, сохранились), в обилии появился тополиный пух.

Исчезли сначала дворные туалеты, а потом и грозные надписи мелом на воротах: "Во дворе туалета нет". Вместе с ними исчезли и горделивые доски на воротах "В нашем доме нет второгородников" и таблички "В парадных не трусить". Появляются кондоминиумы.

Исчезли шумные примусы, чадающие керогазы, грецы со слюдяными окошечками, угольные склады, лавки с керосином. "Стоит у лавки керосиной печальный дворник круглолицый" (Иосиф Бродский). В супермаркетах появились поленья для каминов. Исчезли формы с двойным дном для выпечки на примусах, из-за отверстия в центре напоминавшие большой бублик, — "Чудо".

Исчезли оцинкованные лохани, корыта, стиральные доски. "Будешь спать ты с доской, со стиральной, за машину, за его персональную" (Александр Галич).

Исчезли баня Исаковича и морские ванны на Десятой станции Фонтана. Появились бассейны и джакузи.

Исчезли патефоны, патефонные иголки и пластинки, исчезли радиолы. Из всех летних окон исчезли концерты по заявкам радиослушателей: "Друзья, люблю я Ленинские го-о-ры", неаполитанские песни в исполнении Михаила Александровича, "...нигде не найдешь другой такой Челиты!" и незабвенная "О, голубка моя-а-а". Появились лазерные диски, DVD.

С появлением эскиммо на палочке исчезли мороженщики с тележками, которые жестом фокусника клали в формочку вафлю, сверху мороженое, прикрывали второй вафлей, нажимали ручку формочки. Вы становились обладателем холодного сладкого счастья. Быстро таявшего.

Исчезли розово-белые треугольники печенья "микадо".

Исчезла зельтерская, а потом и будки с газированной водой — пожалуйста, без сиропа (1 копейка), с сиропом, наконец, заветное — с двойным сиропом! "Тебе, девочка, с каким? Малиновым, вишневым, клюшоном?" Хочется сразу со всеми.

Во дворах исчезли бочки с таинственно черневшей дождевой водой, с плавающими на ее поверхности осенними листьями. Исчезли выносимые на лето во двор кадки с олеандрами и фикусами.

Исчезли папиросы "Казбек" с вечно скачущим по коробке черным силуэтом всадника. Исчезли французские булочки, франзолы, французский суп, обращение "мадам", пришли "мужчина!" и "женщина!".

Почти исчезло рабоче-крестьянское происхождение. Так много появилось дворян, что думаешь: кем же владели их предки? Наверное, друг другом. По количеству на квадратный километр с дворянами могут соперничать только академики.

Исчезли галоши, дамские ботинки на каблуках, серые суконные куртки "московка" с непрременной черной кокетой, белые парусиновые туфли — вместе с зубным порошком, которым их чистили, заодно и зубы, чесучевые костюмы, драповые пальто с каракулевыми воротниками, шмуклеровские пуговицы, галстуки-"бабочки" на резинке, китайские штаны и рубашки "Дружба", знаменитые портные и модистки. Исчезли духи "Красная Москва". Появились "Седьмой километр" и бутики, считающие, что предлагают "от кутюр".

Исчезли на пляжах скалки (пойдем на массив или на скалки?), на скалках — ковры,

которые носили на море, чтобы вымыть их голубой глиной — килом.

Исчезли лежащие часами под палящим солнцем отдыхающие, "от гребенки до ног" вымазанные куляницей грязью, предусмотрительно принесенной с собой в пол-литровых банках. А можно было купить эту грязь на пляже у разносчиков. Вместе с холодной водой из чайников, рачками, круто посоленной пшеникой. Петушками на палочках.

Исчезли кинотеатры — XX-летия РККА (потом "Украина"), имени Короленко, Ворошилова (потом "Зірка"), летние кинотеатры. В них появились автосалоны.

Исчезли танцплощадки в парках. Появились ночные клубы, дискотеки. На смену "Ивану Бровкину на целине" пришел "Терминатор".

Исчез бар "Красной", где обитала вся одесская богема, кафе "У тети Ути" (вывеске — не верить!), "Чекистская минутка", ресторан на старом морвокзале. И сам старый морвокзал. Появились респектабельные рестораны с вышколенными официантами, к которым уже не нужно обращаться с просьбой: "Лучше не доливайте, но не развлекайте!"; с умопомрачительными меню, соблазнительными картами вин. Появляются, как первые ласточки, сомелье.

Исчезли "мокрая" колбаса "ветчинно-рубленая" и плавленый сырок "Волна". Вместе с ними исчезли очереди. Появились супермаркеты, в которых можно спросить удивленно у продавщицы: "Почему у вас сегодня нет рокфора?"; а она, стоя за витриной с десятками разных сыров, будет, извиняясь, вручать вам номер телефона с просьбой позвонить завтра. Завтра будет!

Исчезли два слона в книжном магазине на Ришельевской, о котором говорили: "Купил в двух слонах". Потом исчез и книжный магазин. Появились Интернет-кафе.

Исчезли макуха, американские "рационы" со жвачкой, пакетиками растворимого кофе, сосисками в плоских консервных коробочках. Исчезли маялки, цурки. "кины", игра в "штандер", школьные булочки по 3 копейки, перо "86", ручки-вставочки, чернильницы-невывайки в мешочках. Появились калькуляторы. Знание таблицы умножения вызывает у продавцов удивление и подозрительность.

Почти исчезли школы, зато появились гимназии и лицеи; о появлении классных дам и умения делать книксен пока не слышно.

Сначала исчезли районы Водотранспортный, Сталинский, Кагановичский, вместо них появились соответственно Центральный, Жовтневый, Приморский. Очень долго держались Ленинский и Ильичевский, но и они, наконец, исчезли, прихватив с собой за компанию и Жовтневый.

Почти исчезли евреи. Но вновь появилась улица Еврейская (чтобы жизнь сладкой не показалась, рядом с ней высочил, как на носу майора Ковалева, переулок Шухевича. Очевидно, для острастки), появились синагоги, еврейские газеты, еврейские школы и детские сады, мемориальные доски Хайму-Нахману Бялику и Владимиру (Зееву) Жаботинскому. Правда, исчезла улица Шолом-Алейхема, но вернулась "улица, улица, улица родная, Мясоедовская улица моя".

Исчезла Привозная улица. Была и исчезла. Вместо нее появились паркинг, новые корпуса "Привоза".

Исчезли авоськи, торбы. Появились кейсы, кофры, ноутбуки. И "кравчучки".

Исчезли голландские печи, появились АГВ, теперь вновь появились камины.

Исчезла китобойная флотилия "Слава". С нею исчезли "бобочки" на молниях и лиловые брюки китобоев. А потом и магазины для китобоев.

Исчезли объявления по громкоговорителю об отходе катеров к 16-й станции через Ланжерон, Аркадию, 10-ю станцию Большого Фонтана.

Исчезли путешествия по Крымско-Кавказской: до Ялты, до Сухуми и совсем далекие — до Батуми. Теперь ближе стали Анталь, Кипр, Канары, Таиланд, а то и Багамы, остров Барбадос. Незаметно исчезли знаменитые капитаны, под шумок исчез весь пассажирский флот, "белые мачты на рейде", вместо которых маячит перед глазами гостиница "Одесса" (не путать с "Одессой", которая вновь стала "Лондонской"). Словно съездившись на ее фоне, смотрит печально Дюк.

Все, вскользь здесь упомянутое, исчезло и появилось на моих глазах за полвека. А Дюк? На его памяти и не то еще исчезало. Что исчезнет и появится еще перед ним в его обреченной на века, как и сама Одесса, бронзовой жизни?

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ.

Уже второй раз "Всемирные одесские новости" публикуют роман в письмах. Если первый заключал в себе переписку о Евгении Онегине, Пушкине и Одессе, переписку Олега Губаря и Валентины Голубовской, то второй посвящен нашим дням. Феликс Кохрихт и Валентина Голубовская размышляют о том, что еще недавно было, но на наших глазах исчезло. Конечно, тема эта неисчерпаема. И, тем не менее, даже этот фрагмент показывает, как многого мы лишились, правда, кое-что и приобретаем. К примеру — атомную бомбу, СПИД, и т. д., и т. п.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Если Валентина Голубовская за что-то берется, то доводит дело до логического конца. При этом конечный продукт отличается не только отменным качеством, но и особой — экспериментальной — красотой. Подобное могу сравнить лишь с подобным: со слезой ребенка по Достоевскому, слезой же комсомолки по Венчике Ерофееву и "губаревкой"-граппой, которую со страстью великого Инквизитора изгоняет из благородного таировского вина наш общий компатриот Олег. Здесь ни убавить, ни прибавить...

И все же... Рискну дополнить ее мемориал исчезнувших одесских реалий и артефактов, гонимый стремлением внести в стройную и гармоничную оплесь лакун, составленных достойной дамой, лишь малую толику, прочувствованную особью мужского пола, увы, натурой исчезающей и сравнимой с городскими сумасшедшими, о которых — впереди...

Анחנו я с того, о чем сегодня так тоскует моя душа:

...исчезли бублики. Те, что варилась в подвальчиках на Садовой и Екатерининской вплоть до начала 60-х годов ушедшего века. Фаст-фуд нашей юности. С маком, семитатью, а вкуснее всего — без всего. Разрезанные по окружности, намазанные маслом, с ломтиком жирной желтой брынзы и обязательно — с крепким, горячим, сладким чаем... Недавно увидел на критской улочке продавца бубликов и побегал к нему, смущая солидных греков, не спеша идущих в церковь. На глаз, даже на ощупь, даже на запах — бублики эти похожи на наши. На вкус — да, но не ай-ай-эй...

...городские сумасшедшие. (А что я говорил?) Не злобные старухи, не несчастные дауны, не вконец спившиеся и исколовшиеся, а яркие артистичные личности, сродни шекспировским шутам и пушкинским блаженным. Вспомню лишь тех, кого звал лично.

Мишка-Режет-кабана... На Новом базаре в конце 40-х — начале 50-х так звали по первому куплету выходной арии этого шуллого мужичонку в рваном кителе, галяфе и опорах. За символическую мзду он являл нам площадную мистерию, вполне по-бахтински. Тренкья на балалайке, кружилась на одной ноге, истошно вопя: "Мишка режет кабана, Мишка задается, а собака без хвоста бегаёт, смеется!" И сегодня, спустя столько лет, я оглядываюсь по сторонам — ищу эту самую собачонку, которой, впрочем, никогда с Мишкой и не было...

Жора-студент... Городская молва приписывала ему отца-профессора, скончавшегося с горя (единственный сын лишился ума), мать-аристократку, строго следившую за тем, чтобы у Жоры в нагрудном кармане вельветового пиджачка всегда был свежий платочек... Апричиной душевного недуга, опять же — согласно знающим людям, была травма черепа. В трамвае 23 маршрута всегда находилась почтенная женщина, которая сама видела, как на занятиях по физкультуре в одесском меддине в голову лучшего студента санитарно-гигиенического факультета врезалась учебная граната, брошенная с соседнего стадиона чемпионом области по метанию. Жора был почти нормальным молодым человеком. В трамвае уступал место мамам, читал свои стихи — галантные, но чуть излишне игривые, что с годами, увы, усугублялось... Ему давали деньги, Жора с благодарностью их принимал, но большую часть раздавал нищим инвалидам. С ним случались ужасные припадки — падал, где стоял, бился головой об асфальт... Когда я стал заниматься психиатрией, то понял, что Жора страдал травматической эпилепсией. Однажды, помогая ему, застигнутому припадком на улице, откинул его черные густые локоны и увидел на затылке глубокий рубец... Кто и когда изувечил этого симпатичного, статного и, несомненно, породистого человека? Об этом я так и не узнал...

Вышеупомянутый Губарь вместе с профессором историей Андреем Добролюбским учредили Орден городских сумасшедших. Недавно оказали честь и мне, я ее принял. Но наше место — скромное. После Мишки и Жоры.

...водка в мерзавчиках и шкаликах. Нынешний разлив, даже в 330-граммовые фляжечки, все же предполагает дебаты, тогда как 125 и 250 г располагали к беседе

...оловянные пугачи, палившие оглушительно. Даже фронтвики, случалось, вздрагивали, когда зимним вечером у черного входа на цирковую галерку (Садовая, 2) я разряжал в снег набитую селитрой глиняную пробку — прообраз нынешних самодельных бомб...

...практически исчезли лилипуть. Вспомнил о них в связи с цирком. На арене они еще появляются, но в городе "маленьких" (так они себя именуют) нынче не встретишь. На этот счет у нас был телефонный спор с достопочтенной Валентиной, которая поначалу не соглашалась со мной концептуально, но все же признала, что лилипуть действительно не видно на рабочих местах, не связанных с цирком. Она же вспомнила, как в юности

служила вместе с моей женой Татьяной в Гипрограде: там у них был переплетчик, который тщательно протыкал шилом картонные папки с документами, стоя на стуле. Он даже был членом ревизионной комиссии профкома.

...мужские носки с приспособлениями для их удержания на поверхности голени. Их (приспособления) почему-то ошибочно называли "штрипками", хотя последние предназначались для другого, что коротко и вразумительно объяснить не берусь. Впрочем, исчезли и собственно штрипки. Во всяком случае, из мужского гардероба.

...женские пояса для поддержания чулок. Не те, что нынче продаются в дорогих бельевых магазинах и секс-шопах, а надежная, прочная упряжь.

...а вместе с ними и мастерицы, что шили эти пояса, а также емкие и эргонометрически выверенные бюстгалтеры, — на дому у заказчика, зачастую и жилали у них неделями, перебираясь от одной соседки в коммуналке к другой.

...жилкопы, ОРСы, тэжэ. Что означает последняя аббревиатура, знает нынче лишь Валя Голубовская. Ее дочка Аня еще помнит, что такое чеки-сертификаты, а внучка Соня живет уже не при ЖЭКах, а при ДЕЗах...

...папиросы (в дополнение к Валиному мартирологу) — по возрасту класса: "Ракета", "Бокс", "Прибой", "Норд-Север", "Пушка", "Дели", "Герцеговина Флор", не тот уже и "Беломорканал"...

...ситро.

...мужские сатиновые плавки, завязывавшиеся на боку белыми бязевыми тесемочкам. Шли в комплекте с носками со "штрипками".

...пляжная еда. Котлеты с вермишелью в алюминиевых кастрюльках, стеклянных банках — кабачковая (но почему-то не из "синих") икра, салат из помидоров с огурцами и луком, компот (в 60-е годы — в китайском термосе). Как это вкусно! Пиво — в бидоне. Произносилось: "В битоне".

...дворники, жившие во дворах, где подметали и охраняли.

...районные управления КГБ.

...оркестры в кинотеатрах. Лучший, на мой взгляд, был в фойе кинотеатра им. XX-летия РККА (потом — "Украина", а нынче нет и его...). В них играли и пели приличные, а порой и замечательные исполнители, среди них были и студенты консерватории — в будущем известные артисты, и гонимые в послевоенные годы джазмены.

...детские-рублевые-билеты в детский же кино-театр им. Горького (Греческая угол Преображенской). Его тоже уже нет, как и кинотеатра "Хроника" (Дерибасовская угол пер. Вице-адмирала Жукова) — любимого места казенки интеллигентных старшеклассников и студентов. Помню, как с восторгом смотрел там киноверсию путешествия чехов Ганзелки и Зикмунда...

...Интерклуб — агитпункт для моряков, приходивших в Одессу на заграничных судах. Нечто вроде симбиоза танцуплек на курорте, заводской библиотеки и латентного борделя. Кагэбэшники чуть ли не силком загоняли туда студенток иназя и вообще университета, а затем некоторых из них по-фрейди-дистски терзали за связь с иностранцами...

...игра "в пятнадцать".

...искусство "проканывать" (по-московски — "протыриваться") — проникать без билета в кино, на стадион. В театр почему-то мы, пацаны, "не canali".

...дворовая игра в казаки-разбойники. Впрочем, у Валентины Степановны наверняка на этот счет есть свое мнение. Не удивлюсь, если она заявит, что недавно в их дворе в "разбойниках" отличались лихие лилипуть.

...шпанские мушки.

...красный стрептоцид.

...студенты из Албании. Когда-то многие одесские девушки вышли за них замуж. Увы, судьба многих оказалась печальной...

...не выдать на наших улицах мужчин в шляпах, кроме плейбоев и хасидов.

...исчезли закрытые просмотры на киностудии.

...увы, в парикмахерских нынче тебя не выберут начисто опасной бритвой, да под разговор, да с компрессом. Боятся СПИДа.

...исчезли детские и отроческие мужские имена: Сталик, Виля, Маратик, Элик, Люсик, Осик, Зяма, Кока, Мока, Мика; женские: Сталина, Мэри, Геня, Гуля, Кия.

...практически не едят гоголь-могиль.

...не играют в преферанс на пляжах.

...исчезли мужчины в полосатых пижамах, соломенных шляпах и сандалиях в дырочку, деловито идущие с сифонами к будкам с газированной водой, исчезновение которых справедливо и своевременно отметила Валентина Степановна.

...но она забыла утерю главного, сравнимого разве что с бубликами! Исчезла дивная и неповторимая одесская СКУМБРИЯ — свежая, малосольная, жареная, копченая. И нет больше сил!

И в заключение — несколько строк из записей Юрия Олеши, из его лирического дневника "Ни дня без строчки".

"Одесские богачи. Я не видел ни одного из них.

(Продолжение на 6-й стр.)

(Продолжение. Начало на 5-й стр.)

Я только слышал их имена: Бродский, Гепнер, Хари, Ашкинази, Пташников, Анатра... Еще многие, которых я не помню".

Я вот не только не видел их (хотя прадед мой мог быть в этом списке), но о двоих и не слышал. И тут меня, надеюсь, да что там — уверен, дополняют и Валентина Степановна, и Олег Иосифович.

Феликс КОХРИХТ.

Дорогой Феликс! Спасибо тебе не только за лестный отзыв о моих "мемориях", но и за движение души — продолжить рассказ о деталях, мелочах, подробностях нашего не обласканного страной детства (несмотря на то, что в школе мы твердили: "За детство благодарное наше, спасибо, родная страна!"; и я иногда — это я не придумала сейчас, клянусь! — думала, как Петя Бачей, подслушавший разговор папы с тетей: оказывается, не Россия выиграла войну, а Япония. Мое детское сердечко сжималось от ужаса, я никому не могла доверить свои страхи и только про себя иногда думала: может, все-таки Германия победила) и, тем не менее, счастливого — вопреки лучшему другу всех детей!

Наше одесское детство.

Раз уж ты пригласил к продолжению воспоминаний, то вот, следуя по твоему тексту, некоторые дополнительные эпизоды и детали.

О городских сумасшедших.

Конечно, были знаменитости общегородского масштаба, как несчастный интеллигентный Жора и Мишка-Режет-кабана, которого я, помнится, видела раз в жизни. Он, приплясывая, шел по Канатной от Новорыбной (у нас в семье пользовались только старыми названиями улиц. Когда Чижикина была Пантелеймоновской, я не знаю; наверное, Губарь знает. Но и в литературе улица, ставшая в послевоенные годы Чижикина, кстати, какое-то время после войны она называлась Потемкинцев, я помню голубые жестяные дощечки с номерами домов и названием "Потемкинцев" — я ходила в первые классы школы мимо этих домов! — называется Новорыбной), так вот, Мишка-Режет-кабана шел от Новорыбной, где на углу с Канатной был долгий склад угля, продававшегося мешками и ведрами населению. Все хватало блестящие "камешки" антрацита и чертыкались, когда вместо него там оставался сероватый угольный мусор, плохо горевший, дымивший в "буржуйках" и плитах, которые были в холодное время года спасением одесситов.

Синтаксис у меня хромает. Твоя Таня бы сказала, повторив Генриха Гейне (он, правда, говорил это, по моему, о немецких числительных), что мои длинные предложения можно перебросить через Ла-Манш. Словом, Мишка-Режет-кабана шел по Канатной к Малой Арнаутской. В одной руке, кажется, была записочка тебе балалайка, но в другой точно был бубен, которым Мишка брэнчал в такт своей диковинной пляске. На голове у него была то ли фуражка, то ли какое-то подобие картуза. Поверх этого головного убора был надет веночек из розовых искусственных цветов, подобный тем, которые носили пионеры в колоннах первомайской демонстрации.

Зрелище было захватывающим. И на фоне этого уличного театра поблел даже любимец нашей округи — несчастный Вадик. Это был наш "районный" сумасшедший. Из тихих. Он всегда стоял на противоположном углу Канатной и Новорыбной. Человек без возраста, с редкой растительностью на лице, с отросшими волосами, спускавшимися на плечи из-под фуражки, напоминавшей польскую конфедератку. Зимой и летом, кроме конфедератки, на нем был белый парусиновый плащ, приобретший свою сероватую белизну от одесского солнца и одесских дождей. Вадик произносил что-то невнятное (по моему, у него что-то было с речью), рука была протянута в неназойливом жесте. И он всегда раскачивался. Откуда знали, что он Вадик, мне неизвестно. Все мое детство прошло мимо Вадика. Потом я уехала в Питер. Прошло много лет. И однажды, возвращаясь после работы по Садовой, я вдруг увидела Вадика. В той же конфедератке и том же плаще! Я чуть было не бросилась к нему с объятиями, как к старому знакомому. Но совершенно отсутствующий взгляд меня остановил... Больше Вадика я не видела.

На нашей памяти колоритной фигурой был Пушкин. Правда, он, скорее, был не сумасшедшим, а пьяницей общегородского масштаба и известности. Почему его звали Пушкиным? Кажется, он в людных местах читал стихи Александра Сергеевича. С неординарной внешностью — высоким, грузным, с длинными волосами и бородой. Мы его часто видели на углу Тираспольской и Успенской — углу, славившемся своей винаркой в подвале. Но не только там.

Еще одна героиня этой печальной темы. В послевоенные годы в трамваях, на улицах можно было встретить пожилую женщину с козой. Они были неразлучны (если бы не возраст и несчастный облик, ее можно было назвать Эсмеральдой). Кроме козы, у этой пожилой женщины была еще одна примета: на улице либо в трамвае ее разговор с самой собой прерывался громким и частым иканием. Однажды на уроке биологии (или как там это называлось в начальных классах) учительница, не помню, в каком контексте, с состраданием упомянула эту женщину, объяснив, что ее икание возникло на нервной почве. Я замерла, а моя одноклассница Эмма Чертова густо покраснела. Эта женщина была ее бабушкой...

Моя семья была, мягко говоря, небогатой. Но как

ИСЧЕЗЛИ...

жили многие мои одноклассники — страшно вспоминать. Эмма и ее младшая сестра Жанна жили в Стурдзовском переулке, на задворках книжной фабрики, когда-то принадлежавшей отцу Веры Инбер. Что-то чуть ли не о родстве с семейством Шпенцер мне рассказывала Эмма. Но то, что эта фабрика принадлежала когда-то семье поэтов, я впервые услышала именно от Эммы. Жили они: мама, маленькая несчастная женщина, почти безумная бабушка, Эмма с сестрой и несколько коз (ходила ли бабушка с одной и той же козой, либо водила их по очереди — не знаю) — в какой-то хибаре, скорее напоминавшей сарай. Да, собственно, так оно и было. Какая трагедия случилась с семьей (отец погиб на фронте), может, было это жутким наследием гетто, не знаю. Об этом Эмма никогда ничего не говорила. На мой взгляд, она была очень красивой девочкой, неординарной, теперь я таких не вижу — крупная, с красиво поставленной головой, украшенной густыми темно-медными короткими локонами, с красивым носом с горбинкой, изумительным цветом нежной кожи и зелеными-зелеными глазами. Мне кажется, что после школы мы виделись всего лишь несколько раз. Многие годы мне хотелось поехать в Стурдзовский переулок, найти Эмму... Но вот пару лет назад я, встретив свою одноклассницу из того же переулка, спросила об Эмме. "Она недавно уехала в Германию и, кстати, сказала, если я встречу тебя, чтобы передала тебе привет!" Боже, почему мы всегда опаздываем?!

И чтобы завершить этот грустный сюжет, непременно должна вспомнить еще одного героя.

Библиотека имени Горького. Сколько замечательных дней и вечеров было проведено среди ее книжных сокровищ! Мне кажется, что в те годы Горьковка дала нам гораздо больше, чем школа. Среди постоянных посетителей были люди, с которыми мы через несколько лет начинали дружить. В отделе искусств я всегда любовалась красивой парой. Я уже училась в Питере, и в очередной приезд домой Женя повел меня к художнику Саше Ануфриеву, на Ремесленную угол Успенской. В Саше и его жене, красавице Рите, я сразу узнала моих знакомых незнакомцев из отдела искусств.

Но вспомнила я о библиотеке потому, что одним из самых неординарных и запомнившихся ее посетителей был человек с внешностью Юля Верна. Зимой и летом он ходил в рубашке с короткими рукавами, быстрой походкой, никого не замечая. Приходя в библиотеку, а он, мне кажется, бывал там каждый день, "Жюль Верн" заказывал несколько стопок книг, лихорадочно их листал, делал какие-то выписки. Библиотечная легенда твердила, что он был гениальным математиком, сошедшим с ума то ли в поисках новых законов мироздания, то ли в попытках решить нерешаемые задачи.

Я вспомнила этих людей, эти эпизоды, понимая, что за каждым стояли какие-то трагедии, но они были такой же неотъемлемой частью нашей жизни, одесского пейзажа, как клены Французского бульвара и катальпы на Екатерининской улице...

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ.

"...Он, приплясывая, шел по Канатной от Новорыбной". Валентина Голубовская вспоминает моего Мишку-Режет-кабана, городского сумасшедшего, вернее, районного — ибо он окормлял улицы и переулки по обе стороны Нового базара. Боюсь, моя скрупулезная конфидентка спутала Мишку с кем-то из клана Безумцев и Акробатов Господа Бога, существовавших по послевоенной Одессе. Полагаю, у них существовало нечто вроде Конвенции сыновей лейтенанта Шмидта, нарушителей которой мог насмерть зачекотать Бабайка...

Да и что, скажи мне, Вала, было делать бедному сумасшедшему, привыкшему к уюту камерного и доброжелательного Нового базара, на дикой Канатной, да еще угла Новорыбной, примыкающей в своем истоке к содомическому "Привозу"? Согласись, добрые безумцы сродни детям, а мне есть что вспомнить... Третьеклассником, а было это в 1949 году, я увязался за первомайской колонной старших ребят нашей мужской 53-й школы (теперь в ее здании на Коблевской — районный суд) и прошел с ней аждо угла этой самой Канатной и Большой Арнаутской, где еще никогда не был. Потоптавшись там минут сорок, демонстранты свернули направо и потянулись к Куликовому полю, где залпы оружейного салюта возвестили о конце военного парада... На всю жизнь я запомнил этот угол: несколько решетоков водослива справа (если стать лицом к морю) — и сегодня с опаской гляжу на них... С трудом я добрался до дома на Садовой, 6, где жил: шел, плутая по городу, около часа. Почему-то никто из взрослых, у которых я спрашивал дорогу, не посадил меня на трамвай 23-го маршрута... Ну, как было бедному Мишке добраться до пересечения этих удаленных магистралей?

А что до веночка на челе, то Мишка действительно украшал им свою фуражку из зеленого сукна с матерчатой, а не целлюлоидным козырьком (их носили фронтовики в первые месяцы войны в комплекте с обмотками и гимнастерками с отложны-

ми воротниками), но он, скорее, напоминал не свадебный, а кладбищенский, который вывешивают на крестах в Проводы...

Зато признаюсь тебе в своем конфузе. Исполненный гордыни, вздумал уличить тебя, заметившую в предыдущих записках: "Мы часто видели его (речь идет еще об одном из городских сумасшедших — Пушкине, — Ф. К.) на углу Тираспольской и Успенской — углу, славившемся своей винаркой в подвале". "Нет такого угла!" — уже отступал я на своем компьютере в твой адрес, но все же опомнился. Есть такой угол: он образуется в месте, где Успенская, заканчиваясь, плавно, вслед за трамвайной линией 4-го маршрута тыкается в Тираспольскую. Там, замечу, издавна были две подвальные винарки, но нынче осталась только одна — на Успенской стороне. Она не входит в "Большой круг" Олега Губаря, но хорошо ему известна.

Ты вспомнила еще об одном городском, нет, не сумасшедшем, а чудике. О посетителе библиотеки им. Горького, который "весной и летом ходил в рубашке с короткими рукавами, быстрой походкой, никого не замечая". Я его тоже иногда встречал в городе, а вот с другим морозоустойчивым земляком был лично знаком. Фамилия его была Бобер (имя, к сожалению, забыл), служил он корректором в газете "Чорноморська колуна", вместе с которой переехал с Пушкинской в Дом печати. Даже зимой Бобер, крепенький малыш средних лет, ходил в трикотажной бочколке с короткими рукавами, брючках с идеальной стрелкой и сандаликах из кокемита. Лишь в самые лютые морозы перекидывал через локтевой сгиб левой руки легкий пиджачок (опять же — с короткими рукавчиками!) и выходил на заснеженную, продуваемую вихрями площадь им. 50-летия СССР. На мужчин не смотрел, зато ловил женские взгляды и буквально расцветал под ними. Снисходил до разговора о погоде лишь с незабвенным Вадиком Овсянниковым, может быть, потому, что тот и сам в холода ходил в легком расстегнутом пальтишке и красный носик его частенько украшала прозрачная простуженная капелька... Кстати, моя Таня, и сама приверженица закаливания, повстречав в морозный день безумного Бобера, расстегнувшего на своей бочколке две верхние пуговицы, ставила его мне в пример — как просвещенного европейца, чуть ли не олимпийца... В середине 80-х Бобер исчез. Говорят, он эмигрировал, но, полагаю, не в Израиль. Что ему делать в этой жаркой стране? Думаю, Бобер осел в Антарктиде, где ему поклоняются добрые пингвины...

Раз мы заговорили о городских сумасшедших и чудиках, отмечу утрату и конгенитальных им психиатров. Как ты знаешь, я в молодости служил по этому ведомству на Слободке-Романовке. Легендарного профессора Айхенвальда, увы, уже не застал, зато много интересного узнал о нем от его племянника Виктора — гедониста и эксгибициониста, лишившегося во время отсидки квартиры и проживавшего в 4-м отделении психбольницы. Кстати, Виктор Айхенвальд был одним из самых колоритных городских сумасшедших, но вовсе не добрых.

Во время ночных дежурств был удостоен бесед о Фрейде коллегой Айхенвальда — доцентом Коганом, утонченным чернокожником и эстетом. Горжусь многолетней дружбой с Джонни Иосифовичем Майером, сохранившим до старости бухарестский шарм и редкостную доброжелательность, которую бескорыстно распространял на многих наших друзей и приятелей. Он представил меня своему учителю — профессору Андрею Юлиановичу Вясыновскому, человеку огромной эрудиции, с которым меня связывали добрые отношения. И Майер, и Вясыновский, и добрейшая, блестящая Поленка Никифорова, и знаток одесской живописной школы Евгений Свидзинский, помогали художникам-абстракционистам (термин спецслужб): Олегу Соколову, Шуру Ануфриеву, Вове Стрельникову, Валику Хрущу, Ане Зильберман... Не все перечисленные художники были пациентами этих добрых и просвещенных врачей, но все охотно дарили им свои работы. Впрочем, и те много картин и рисунков покупали в мастерских ребят и на квартирных выставках.

Но оставим, хотя бы на время, эту неисчерпаемую тему.

...Исчезли и маленькие собачки: черно-коричневые, на тонких ножках, тарашившие свои выпуклые глазки с колен старушек, сидевших у ворот на маленьких же скамеечках... Этих метисов именовали карликовыми пинчерами, они звонко тыкали на прохожих...

...Знатки говорят, что практически исчезли честные давалки. Женя объяснит тебе, кто это. В последний раз я услышал о них, когда Саша Журбин играл и пел во Всемирном клубе одесситов номера из своего мюзикла "Биндюжник и король" (по мотивам рассказов Бабеля): "Молдаванка, Молдаванка! С детства — честная давалка!"

...Исчезли обидные прозвища, которые во дворах давали мальчикам и девочкам, отличавшимся толщиной либо худобой: "Жиртрест", "Шкиля-макрана", "Желудок"... Впрочем, обиднее всего дразили нас — рыжих: "Рыжая кандала, тебя кошка родила!", "Рыжий пес на пару колес"... Уверен, Вала, ты дополнишь этот список.

...Уже много лет по радио не передают любимые

мною с детства, приводившие меня в экстаз, заигрывательные мелодии: "Полет шмеля" Римского-Корсакова, "Танец с саблями" Хачатуряна; но, к счастью, иногда все же "врубает" "Болеро" Равеля и "Караван" Эллингтона...

...Уже не услышишь во дворе или в трамвае такие характеристики: штымп, буц, некейва, супник, а также — поцено, поцелю, хотя основное корневое слово двух последних определений все еще крепко удерживает свои позиции. Но кто это ценит?

Твой корреспондент

Феликс КОХРИХТ.

В надежде на продолжение

нашего виртуального Мемория.

IV

Феликс, ну почему, почему, как какой-нибудь Чубайс, ты хочешь приватизировать Мишку-Режет-кабана? Если бы он жил только в такой дали и глуши как Новый базар, вряд ли бы его знал весь город! На Канатной, между прочим, имели честь жить когда-то И. Бларамберг и Волконские, Михаил Жук и Шолом-Алейхем, многие другие весьма почтенные граждане Одессы, среди них и наши сверстники, современники (например, на углу Новорыбной и Канатной, в доме, похожем на постройки Скведера, жил Миша Обуховский, и я, редко проезжая мимо этого мрачного дома эпохи модерна, вижу, заглядывая в современные евроокна первого этажа, когда-то мелькавшие здесь фигуры "рыжего", как его звали, Обуховского-старшего, корреспондента "Сельской жизни" (куда ж податься бедному еврейю?!), и его сына, нашего общего приятеля, джазмена, интеллектуала, и во французской столице шелка — Лионе — сохранившего горячую и преданную любовь к Одессе, "кучерявого Мишу", как называл его Саша Ануфриев.

Словом, Мишку-Режет-кабана я не уступлю исключительно Новому базару. Он был общегородской знаменитостью, человеком свободным и гулял, где хотел. Никаких псевдо-Мишек не существовало. И не отнимай, прошу тебя, у меня это веселое и будоражащее воспоминание. Один раз в жизни, но Мишку-Режет-кабана я видела! Я же не говорю, что я видела сумасшедшего Ютку, который требовал у прохожих рубль, в случае отказа грозил плюнуть, предупреждая (то ли брал на испуг!), что у него дурная болезнь. О Ютке рассказывали старики.

Старушки с черными карликовыми пинчерами (с рыжими подпалинами!) обитали, кажется, в каждом одесском дворе. Причем ВСЕХ собачек непременно звали Жульками. Независимо от пола!

Кстати, об именах. Человечьих. В каждом дворе, в каждом классе был свой Адик. Имя Адольф, очевидно, стало популярным в год пакта Риббентропа — Молотова, во время советско-германской дружбы.

Новые песни придумала жизнь, а с ними и новые популярные имена. Прежние исчезли. Вот наша общая любимица Яся назвала дочку Маргаритой. Редкое имя теперь. В наших дворах детства и наших классах (хотя мы не читали роман Булгакова) это имя было необыкновенно популярно. Исчезли Эммы, Эллы, Фани, Фриды, Нелли, Нонны, Розы. Да что там перечисленные имена. Исчезли Сарры. Со мной в классе учились Сарра Дронова и Сарра Айбиндер. Первая всегда была председателем совета отряда, отличница, вторая — прогуливала первые уроки. Я тащилась в школу, навстречу мне шла одноклассница. На мой риторический вопрос: "Сарка, куда ты идешь?" — она невозмутимо отвечала: "Как куда? В "Короленко", на первый сеанс!" Завидовала я ей безумно. Но у Сарры Айбиндер была подруга, они жили в одном дворе, в Канатном переулке, — Сарра Макаронова, на класс младше. Младшая чуть прихрамывала, но часто я их встречала вместе: зависть моя удаивалась! Живут же люди: ходят в кино, когда хотят. Конечно, я тогда не понимала, что эта волница — не от сладкой жизни: отцы не вернулись с фронта, матери тянули всю семью, девочки были предоставлены сами себе и отдавали предпочтение шикарной жизни в трофейных фильмах, а не нудным школьным урокам...

Конечно, среди моих школьных подружек были девочки из состоятельных семей, в чьих квартирах стояла вывезенная из Германии в качестве трофея роскошная мебель, теперь, вспоминая эту мебель, понимаю, что, того не ведая, в детстве видела первоклассные образцы "ар деко"; естественно, о таком понятии мы и не слышали. За стеклом на полках "комбайнов" (почему-то именно так на тогдашнем бытовом языке назывались "буфеты" ар деко) стоял саксонский фарфор, а в ящиках лежали серебряные столовые приборы с готическими монограммами прежних, законных, владельцев.

И рядом с этой трофейной роскошью была неопределяемая бедность многих и многих моих одноклассниц. Какая-нибудь железная кровать, тумбочка, кривогоний стол. Голые окна...

Не забуду одно посещение. По дороге домой одноклассница (то ли какую-то книжку должна была вернуть, то ли еще зачем-то) предложила на минутку зайти к ней. Она с мамой жила в общежитии на Чижикова. Это была удивительная постройка, которую снесли, по моему, только когда началось

строительство нового здания театра мюзикомедии.

Даже я, совсем не избалованная, ужаснулась: это был барак, в котором стояло, как мне теперь вспоминается, несколько десятков по-солдатски заправленных коек. При койке — тумбочка. Все. На такой койке моя одноклассница спала с мамой (а было нам уже лет по 10). Я даже не решилась спросить, а где хранятся зимние (или летние) вещи, провизия и прочее. Может, их просто не было?

При бедности послевоенных лет — в памяти остались многочисленные названия тканей, некоторые я помню на ощупь. Жестковатый шевиот, дорогой бостон мужских костюмов. Креп-жоржет, креп-де-шин, креп-сатин, креп-мароккен, фэй-де-шин, маркизет ("Ой, артиль, моя троянда, маркизет, мадаполам, вишивала я узоры з тривоугою пополам!"), батист, шифон, сатин (как высшая похвала из маминых уст: "О, это сатин "либерти"!"; каким образом добрели воспоминания о знаменитом английском торговом доме в нашу послевоенную жизнь — ума не приложу!)

Девочкам на лето, кроме сарафанчиков, шились платья-"татьянки" с непрерывной кокеткой, отороченной оборочкой. Появление штапеля вызвало неопределимый восторг. Но что штапель, когда появились нейлоновые (первоначально прозрачные!) мужские рубашки и синтетические шубы! Улица преобразилась! Повальный отказ от котиковых и каракулевых шуб, зимних пальто на ватине с горжетками из черно-бурых лис! Красные, голубые, белые, желтые синтетические шубы воспринимались так же, как туземцами Севера стекляшки и бутылка водки, за которые отдавались песцы и прочая меховая "рухлядь"!

А плащи "болонья" и первые джинсы! Туфли на "манной каше". Я все годы в Ленинградском университете, все зимы проходила в туфлях. Ботинки (я их не любила) — только для выездов за город, на лыжи. Первые сапоги появились, увы, когда я уже оканчивала университет. Это чудо сапожного искусства и европейской обувной моды, пришедшее к нам, настигло меня уже в Одессе.

Вот тебе, дорогой Феликс, еще несколько эпизодических воспоминаний,

Валя.

V

...Ютку, о котором ты вспоминаешь в пику моему Мишке (правильнее все же — Юдку: от Юды-Иуды), я, как и ты, видишь, разумеется, не мог: он был достопримечательностью Южной Пальмиры первых десятилетий, увы, уже ушедшего XX века... Но мой отец общался с ним, как и я — с Жорой-студентом: в вагоне, но не трамвая, а конки или паровичка, перевозившего дачников с Куликовского поля на станции Большого Фонтана. Юдка был не добрым городским сумасшедшим, а хитрым шантажистом, угрожавшим плутом в лицо "сифилисом" (которым вовсе и не страдал!) тем, кто отказывал ему в подачке...

Пусть тебя не удивляет столь долгая память моего отца: я — плод позднего брака моих родителей, у которых ранее были отдельные семьи. Сводный брат по отцу — Аба — был старше меня на 16 лет. Ты вспоминаешь о послевоенных состоятельных семьях, "в квартирах которых стояла вывезенная из Германии в качестве трофея роскошная мебель... — первоклассные образцы "ар деко". И я бывал в таких домах, но сегодня, спустя десятилетия, вспоминаю не мебель, не утварь, не картины в роскошных рамках (не тот ли это был Рубенс, который недавно объявился в России и стал причиной громкого скандала?), а немецкие радиоприемники и радиолы.

Они светили зелеными огоньками, говорили и пели бархатными голосами... Особенно ценились "Грундиги" (помнишь Высоцкого?) и "Блаупункты". Уже в 70-е (!) годы эти аппараты облюбовали наши с тобой приятели, художники-абстракционисты Витя Маринюк, Валера Басанец, Валик Хрущ и примкнувший к ним Костя Силян. Они познакомили меня с уникальным радиомастером по прозвищу Саша-Приемник, который чудом умудрялся доставать лампы к этим раритетам и ремонтировать их. Причем делал это за скромные деньги, и я прибрал тогда дивный "Телефункен", которым наслаждался несколько лет (он исправно ловил "голоса"), пока Хрущ не предложил мне в обмен на чудо-приемник свою работу с рыбами-ставридами, висящими себе на канатике. Я согласился и не жалею (хотя по "Телеку" скучаю) — ты эту работу знаешь.

Всю трофейную роскошь в Одессу привозили не фронтовики, а мародеры, баловни войны — интенданты, финансисты, военврачи-гинекологи, венерологи и т. д. Мой брат в первую посылку в декабре 45-го привез из Берлина скатку, мешок своего белья "маме на постирать" и немецкий чемодан из кожзаменила, где из трофеев были бутылка шнапса и несколько плиток шоколада. Все — эрзац, опять же из заменителей натуральных продуктов. Шоколад был из сои — это я, мелкий пацан, понял, а в водке тогда не разбираюсь...

Впрочем, и этого жидкого эрзаца 20-летнему старшему лейтенанту артиллерии (вся грудь в орденах и медалях, нашивках за ранения) хватило, чтобы достать из эрзац-кобуры натуральный пистолет "ТТ" и отправиться "вчинять справедливость". Аба твердо решил пристрелить мародера — некоего М., захватившего нашу квартиру на Софиевской, 13, где мы с братом родились и откуда его, вчерашнего десятиклассника, 23 июня 1941 года призвали на фронт, а меня — в августе вывели в эвакуацию. Наш контуженный отец мчался за бравым старшем от дома № 6 по Садовой (мы нашли приют в коммуналке с сортиром во дворе, в которой я жил до 1968 года, куда в 1964-м пришла ко мне Таня, где вы с Женей у нас бывали) вниз по Торговой...

Лишь на углу Щепкина он перехватил своего старшего сына. Я бежал за ними и видел, как они боролись, как рухнули в снег, как Аба ненароком сломал папе большой палец, но тот все же вырвал у него пистолет... Домой они брели молча, а на углу Садовой и Торговой (возле черного входа в цирк) зашли в бodeгу и выпили по стакану водки...

Тот один из одесских вузов обрел своего многолетнего ректора. Потомки М. и сегодня живут в нашей квартире на Софиевской, с некоторыми из них я в приятельских отношениях.

Что до Обуховских, то Таня познакомилась с женой младшего в университете. Клодин, как и она, была "возвращенкой", впрочем, как ты знаешь, впоследствии все же отбыла на историческую родину — во Францию — и увезла с собой Мишу. Астарший Обуховский — корреспондент "Сельской жизни" — был даунием рыхих журналистов Одессы, из которых в строю остался лишь я, да и то лишь в памяти ветеранов печати: нынче, увы, сменил масть на чалую, но в хорошем смысле этого слова. Если ты, эрудитка, поправишь: "На каурую!" — не стану возражать...

...Что до имен, которыми старушки нарекали своих карликовых пинчерочков, то я добавлю к твоей несомненной Жульке Дзэку и Чарлика — у меня был такой тонконогий песик...

А из человеческих лакун отмечу почти полное исчезновение Ев — вспомнил о нашей Прародительнице, услышав вчера с телеэкрана монолог роскошной Лолиты Милывской, рассказывавшей о своей дочери. Кстати, как говорится, "до пары": куда-то "зникли" и Адамы... Да и вечные спутники Сарр — Абрамы...

Этот мартиролог имен и народов я рискнул выразить в стихах...

Греческая улица,
Греческая площадь,
Греческий базар...
Нет в Одессе греков.
Как, впрочем, и хазар,
Впрочем, нет оберегутов,
Впрочем, нет и арнаутов.
Нет ни малых, ни больших.
Ни хороших, ни плохих,
Нет как не было халдеев.
Поубавилось евреев.
И чуть прибавилось татар...
Вот и весь базар.
Твой confident,

Феликс.

VI

Дорогой Феликс! Я, когда прочла твою "Греческая улица, Греческая площадь, Греческий базар... Нет в Одессе греков...", сказала Жене: "Феликс почти Бродский", — потому что тут же вспомнила "Остановку в пустыне". "Теперь так мало греков в Ленинграде, что мы сломали Греческую церковь..."

Но эти брошенные в шутку слова заставили меня еще раз вернуться к теме, которая меня давно занимает: поэтическое эхо, "странные сближения" по Пушкину, переключке поэтов. Я это уже столько раз проговаривала в семье, а твоя строчка о греках, надеюсь, позволяет мне поделиться с тобой своими не профессиональными (как у филологов-магистров), а исключительно влюбленно-читательскими наблюдениями.

Еще раз извиняюсь, зная о существовании обильной литературы и докторских диссертаций (по типу: "Пушкин и Манделштам", "Пушкин и Ахматова" и т. п.), я все же решаюсь обнародовать (а народ — это ты!) свои впечатления.

Лишь море Черное шумит...

Аморе Черное шумит, не уставая...

Аморе Черное, витийствуя, шумит
И с тязким грохотом
подходит к изголовью...

У Пушкина "Ходит Вesper золотой", и манделштамовский "Черный Вesper в зеркале мерцает".

Я столько лет, читая историю материальной культуры, показывала своим студентам сохранившиеся на краснофигурных вазах изображения архаических лир, сделанных из панциря черепахи! Вспомнившая при этом: "Нерасторпна черепаха-лира, едва-едва, беспала, ползет... Она во сне Терпандра ожидает, СУХИХ ПЕРСТОВ предчувствуя налет". И совсем недавно, перечитывая "Моцарта и Сальери", впервые обращаю внимание на эти строки: "ПЕРСТАМ придал послушную, СУХУЮ беглость..."

Таких созвучий в моей голове сохранилось множество.

"Мы разучились нищим подавать" (Н. Тихонов), и "Я искал в пиджаке монету нищим дать, чтоб они не хромали" (В. Уфлянд). Словом, это бесконечно долго можно продолжать! Но все же, прежде чем вернуться к грекам, позволю себе еще одно признание.

Когда Игорь Губерман в Женюин передаче сказал, что любит ранние стихи Веры Инбер, я от радости (родная душа!) просто подпрыгнула на стуле.

Возвращаясь из Питера домой, я твердила строчки: "Большому солнцу выйти лень, хотя давно трубили зорю, как хорошо в осенний день собраться в путь к родному морю. ...Там будет воздух чист и прян под бесконечно синим сводом, и вас, несчастных северян, я пожалею мимодождом". Гуляя по осенней Одессе в молодости, я повторяла: "Осенний воздух тонок и опасен..." А сколько раз мы пели в той же молодости "У ней такая маленькая грудь под шелковою блузкой цвета хаки. Уходит капитан в последний путь, оставив девушку из Нагасаки!"

Ну, а о том, что "У сороконожки народились крошки", мы с Анечкой, а потом Анечка с Сонечкой читали взахлеб. Не говоря уже о мальчике Бобе, который "девочку Дороти, лучшую в городе, он провожает домой" — это же о тебе и Тане!

Но есть у Веры Инбер стихотворение, может, далеко не совершенное по форме, но доставляющее мне удовольствие, сладострастие почти на гормональном уровне. Ты его помнишь.
Лучи полудня тязко пламенеют,
Вступаю в море, и в морской воде
Мои колени смугло розовеют,
Как яблоки в траве.

Дышу и растворяюсь в водном лоне,
Лежу на дне, как солнечный клубок.
И раковины алые ладоней
Врастают в неподатливый песок.

Дрожа и тая, проплывают челны.
Как сладостно морское бытие,
Как твердые и медленные волны
Качают тело легкое мое.

Так протекает дивный час купанья.
И ставшему холодным, как луна,
Плечу приятны теплые касанья
Нагретого полуднем полотна.

Я, когда вспоминаю эти стихи, просто физически чувствую пупыршки на коже от долгого пребывания в воде, припорошенную пляжной песочной пыльюю согретающую ткань полотенца или сарафана, что там под рукой, чтобы согреться! Просто физиологический пляжный, морской экстаз!

И вот совершенно другой сюжет. "Письмо римскому другу":
Зелень лавра, доходящая до дрожи.
Дверь распахнутая, пыльное оконце.
Стул оставленный, покинутое ложе.
Ткань, впитавшая полуденное солнце.

Как это происходит? В переключке великих поэтов — переключке времен культуры. Вряд ли Бродский любил Веру Инбер. Но как возникают такие близкие образы, близкие в своей материальности, весомости? Это меня очень занимает.

Поэтому, когда я уткнулась в твоих греков, подумала, что это у тебя — парафраз на тему Иосифа Великого, подсознание выталкивает нечто, даже не вспоминаемое в этот миг, наитие, случайное совпадение наших невеселых реалий. Что скажешь?

В нашем общем "плаче на реках вавилонских" вот такое неожиданное и для меня отступление Лирического, как писали в школьных учебниках. Или, может, "остановка в пустыне"?

А по поводу исчезнувшего — вдогонку за "Телефункенами" как не вспомнить черные тарелки радиоточек и усладу душ 40-х, да еще и 50-х годов: ПАТЕФОНЫ с выдвигающимися закругленными ящичками, в которых хранились драгоценные иголки, это чудо дизайна тех далеких лет. И быщиесь пластинки?!

Валя.

VII

Salve, Валя!

Это патрицианское приветствие — в благодарность за упоминание в контексте нашей переписки имен Иосифа и Феликса. Обрати внимание: у Великого — иудейское имя, у твоего смиренного confidenta — римское.

Что еще, кроме античных аллюзий, нас роднит? Оба родились рыжками. А еще — любовь к Кошкам. Знаменательно, что я пишу тебе в Международный день кота (он отмечается в конце октября). Уверен, на венецианское кладбище к Иосифу приходят его любимицы и любимцы, чтобы погреться на мраморной плите, и осенью долго сохраняющей тепло адриатического солнца...

Помнишь, Постум, как Рита Ануфриева рассказывала, что молодой Бродский любовался одесскими кошками?

Из своего средиземноморского опыта знаю, что наши ничуть не уступают египетским, турецким, итальянским, испанским... Даже греческим, где с эллинических времен царит культ Кошки.

На Санторине Таня (в чудовищную июльскую жару!) вдруг углядела в конце узенькой улочки белого котенка и ринулась за ним. Схватила — он оказался копией нашего Монстрика: белоснежный, с разными глазами. Она его тискала столь долго, что мы чуть не оторвались от гидессы, а на вулканическом острове это опасно, так как в порт ведет крутая и долгая дорога, а уже приближалось время отхода нашего судна на Крит...

Уверен, и вы с Женей, ныне хозяйева очаровательного спаниеля Юмочки, не забыли вашу Касю. Мы же — после ухода Лукаши и Апелсиня — приняли в дом Монстрика и Мики, но с нами — в памяти — и Глазастик, и Агафья... И наши собаки — Биночка и Аврик... И поугайчики — Чиконька, Яша и Даша.

Вчера Ян Фрейдлин в письме из Израиля уделил равное место и своим новым сочинениям, и тому, что из кошка Анфиса, привезенная из Одессы много лет назад, страдает диабетом и живет на инсулине...

...Ты пишешь: "Когда я уткнулась в твоих греков, подумала, что это у тебя — парафраз на тему Иосифа Великого, подсознание выталкивает нечто, даже не вспоминаемое в этот миг, наитие... Что скажешь?"

Действительно, подсознание работает на руку старику Фрейду и Боре Херсонскому, создавшему в Одессе филиал Института психоанализа.

Вспомни Бродского:

Я покидаю город, как Тезей —
свой лабиринт, оставив Минотавра
смердеть, а Ариадну — ворковать
в объятьях Ваха...

А вот несколько строк, записанных мною на Крите — после "визита к Минотавру". Я их не внес в апокрифы и коллажи, которые ты, не щадя времени, читала и комментировала. Вспомнил только сейчас. Упаси меня Зевс от пагубных сравнений, но, пожалуй, что-то действительно навеяло:

Тесей по нашим временам —
генерал от инфантерии,
Абедняга Минотавр —
жертва генной инженерии...

Просыпаюсь утром рано:
Нет пружины от дивана!
Всюду — нити Ариадны!
Будь она неладна!

Может быть, и ты уловишь в цитируемых текстах — при огромной разнице поэтических достоинств — и некоторое сходство: в намеренном снижении (до телесного низа) пафоса, традиционно довлеющего над этим Мифом о Герое, Красавице и Чудовище...

...Ты вновь пишешь о трофеях (почему-то вспомнилась Троянская война...), тяжелых и ломких грамофонных пластинок, патефонах "с выдвигающимися закругленными ящичками, в которых хранились драгоценные иголки, это чудо дизайна тех далеких лет". А я вспоминаю роскошные аккордеоны (немецкие, австрийские, итальянские) — их волокли в качестве контрибуции в основном те из "победителей", кто играть не умел. Они отыгрались на собственных детях. Помнишь, как в конце 40-х — начале 50-х по одесским улицам тащились мальчики и девочками, пригибаемые до земли громоздкими футлярами с аккордеонами? Тогда будущие Табачники на время потеснили нас, перволашек школы имени Столярского, с нашими скрипочками и даже объемными виолончелями (я играл на этом инструменте, но не долго) в одной руке и картонными нотными папками с вытесненной надписью "Muzik" — в другой...

...Что до мальчика Бобы, который провожал девочку Дороти, лучшую в городе, то мы с Таней много лет знаем эту парочку — их зовут Женя и Валя...

...Начав эту эпистола с бравурного "SALVE!" (в Одессе, к счастью, еще сохранились дома с парадными, мраморные полы которых украшает это римское приветствие, а также — уникальные одноименные папиросы с фильтром), завершу ее прощальным: "VALE!"

Что до нашего города, то лучше Иосифа не скажешь:

ЕСЛИ ВЫПАЛО В ИМПЕРИИ РОДИТЬСЯ,
ЛУЧШЕ ЖИТЬ В ПРОВИНЦИИ У МОРЯ...

Перечитал эти строки и заметил, что, цитируя Великого, пропустил одно слово: "ГЛУХОЙ". Речь идет о провинции...

Ты права: порой "наше подсознание выталкивает нечто..."
Vale, Валя!

Твой confident — Felix.

VIII

Феликс, у тебя совершенно замечательная ошибка, действительно фрейдовская! Мы все так исполнены обожания нашей "провинции у моря", что сделали строчки Бродского чуть ли не девизом, который вполне мог бы быть помещен на гербе Одессы. Может, нам вообще свойственно считать, что лучшее из написанного — о нас?!

Помню, как была обескуражена, когда в "Лермонтовской энциклопедии" прочла, что поэт написал "Белеет парус одинокий", увидев впервые Балтику, а точнее, Финский залив. Мы же, очевидно, вслед за Петей Бачеем, читая с упоением эти божественные строчки, не сомневаемся в том, что они о нас! Вот же, в Отраде и Аркадии, с камней Ланжерона и Фонтанских склонов мы видим, как белеет парус одинокий в тумане моря голубом!

Машой Шаховой, я поняла, о какой глухой провинции идет речь. Общение (после ссылки) с семьей Габричевских, с Марьей Степановной Волошиной, с "печальной Тавридой" вызвали и саму форму "Письма римскому другу", и эти волшебные строки. Пусть не об Одессе, но они все равно о нас, а Одессе достаточно, на мой взгляд, и гениального "Памятника Пушкину в Одессе", написанного здесь Иосифом Бродским!

Прости, что своими "стиховедческими" соображениями я нарушила чистоту жанра нашей переписки, но так уж случилось...

Наш каталог, реестр нашей памяти может быть бесконечен. Поэтому завершу наш обмен воспоминаниями замечательным экспериментом, сочиненным Георгием Шенгели в 1931 (!) году:

Эрбий, Иттербий, Туллий,
Стронций, Иридий, Ванадий,
Галлий, Германий, Лантан,
Цезий, Ниобий, Теллур —
Что за династия цезарей,
вечных реакций основа!

Варвары смоят ее:
Резерфорд, хаос, Эйнштейн!

Как видишь, даже перечисление химических элементов можно превратить в изысканную шутку. Не тем ли занимались и мы? Только у нас была Одесская периодическая система.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ.